

Боль. Адская боль.

«В первый миг показалось, будто меня потрошат, как курицу для салата... К слову, о курице — в желудке предательски заурчало. Так, стоп! Нашел время думать о еде!»

Пусть поначалу и хотелось крыть его трехэтажным матом, нужно отдать Бу Фэнчэню должное — умения ему не занимать. Моего опыта, конечно, побольше будет, но вскоре боль отступила, уступая место томительной, изматывающей истоме. Раньше я, Чоу Тяньгэ, всегда заправлял всем сверху, со снисходительным упоением наблюдая за чужой беспомощностью и сладкой агонией. Теперь же всё перевернулось с ног на голову. Бу Фэнчэнь царил надо мной, выжидая, когда я окончательно сломаюсь и потеряю лицо.

«Ха...

Неужели он ждет, что я расплачусь? Буду умолять, корчиться от жалости к себе, как невинная дева? Плевать, что меня впервые подмяли. Я сам перетрахал кучу народа, а уж сколько раз видел это со стороны — не сосчитать. Если мне суждено утонуть в этом омуте, я утащу тебя за собой. Если мне суждено сгореть в преисподней, я заставлю весь мир гореть вместе со мной!»

Под действием Порошка размягчения костей тело превратилось в беспомощную жижу, но это не значило, что я безропотно покорюсь судьбе. В постельных баталиях у Бу Фэнчэня мало шансов выйти чистым победителем.

Запрокинув голову и прикрыв глаза, я судорожно вздохнул. Навалившаяся тяжесть чужого тела лишала воздуха, а одурманивающий аромат благовоний Башни Фейерверков обострял чувства до предела, превращая каждое прикосновение в пытку.

Похоть — опасная штука. Она заставляет сложить оружие, забыть про осторожность и слепо рухнуть в бездну.

— М-м-м...

Я перестал сдерживаться. Тихий, гортанный стон, скользнувший сомнительной сладостью, уколол натянутые нервы Бу Фэнчэня не хуже серебряной иглы.

— Тебе хорошо? — Его голос потерял былую невозмутимость. Сдерживаемое вожделение так и сквозило в каждом рваном выдохе.

Говоря это, Бу Фэнчэнь бесцеремонно приподнял мою покалеченную ногу и с глухим нажимом толкнулся глубже.

«Хорошо мне, как же, пошел ты к черту...» — мысленно огрызнулся я.

На лице же моем расцвела дерзкая, дразнящая улыбка. Мышцы там, куда он так грубо вторгся, плотно сжались вокруг его плоти. Порошок размягчил мои кости, но, к счастью, не парализовал до конца. Если бы у меня получилось удавить Бу Фэнчэня собственной задницей, я бы умер счастливым.

Как и следовало ожидать, взгляд Бу Фэнчэня мгновенно потемнел, подернувшись туманной пеленой слепого экстаза.

— Ты играешь с огнем, — хрипло выдохнул он, нависая надо мной так близко, что его дыхание обжигало мне губы.

Этот надтреснутый, сорванный голос грел мне душу.

— И как, припекает? — хмыкнул я в ответ. — Гляди не сгори дотла.

— Сгорю... вместе с тобой.

Безумная ночь, потерявшие разум люди. Пламя похоти бушевало вовсю, и в этом пожаре сгореть суждено было обоим. От всепожирающего огня спасения не существовало.

Казалось бы, минутная слабость, чистая случайность — но в одно мгновение от прежней гордости не осталось даже пепла.

Постельная дуэль — штука тонкая. Она заканчивается либо обоюдной гибелью, либо полным триумфом.

Огонёк в масляной лампе едва теплился, отбрасывая на стены дрожащие оранжевые блики. В спальне, пропитанной густым, душным ароматом страсти, воцарилась тишина. Любая битва рано или поздно затихает, когда утихает пороховой дым. Полупрозрачный полог балдахина слабо колыбался, на полу бесформенными кучами валялась растерзанная одежда. Моя покалеченная нога безвольно покоилась на его бедре, а его тяжелая ладонь всё еще покоилась под моей шеей.

— Нога... — Бу Фэнчэнь лежал, откинувшись на подушки и прижимая меня к себе одной рукой. Пальцы его свободной руки медленно скользили по моей изувеченной конечности. — Это след Небесного грома?

Она и впрямь пострадала от Небесного грома, хотя подробностей я и сам не помнил. Когда я очнулся в тот злополучный день, меня забинтовали с ног до головы, словно мумию, а нога с тех пор так и осталась сухой и скрюченной.

Красивой её назвать язык бы не повернулся. И пусть уродливые шрамы от Небесного грома сошли еще в Священных Вратах, кости внутри так и не срослись как надо. Часть суставов в колене и лодыжке омертвела, отчего голень неестественно выгнулась и усохла. Из-за этого я теперь и ковылял при каждом шаге, раздражая прохожих своим убогим видом.

— М-х-м... — слабо промычал я, уткнувшись лбом в его плечо.

Тело не слушалось, зато разум лихорадочно выстраивал планы один коварнее другого.

— Колено... и лодыжка, — пробормотал Бу Фэнчэнь, мягко касаясь изувеченных суставов своими длинными, тонкими пальцами. Он словно говорил сам с собой. — Жаль, мы сейчас далеко от Священных Врат. Здесь не найти нужного снадобья, так что на лечение уйдет уйма времени. Погоди... разве у тебя не было с ним интрижки? Почему же он пальцем не пошевелил, чтобы поставить тебя на ноги?

«Он, он, он... Опять этот таинственный "он"!»

Утолив плотский голод, Бу Фэнчэнь моментально вернул себе маску ледяной отрешенности. На его красивом лице не осталось и следа недавнего безумия или хмельной истомы. Передо мной сидел всё тот же человек, но по его речам казалось, будто в одном теле уживаются два совершенно разных существа.

«Два Бу Фэнчэня?»

— И всё же со мной тебе куда лучше, верно? — Бу Фэнчэнь бесцеремонно обхватил пальцами мой подбородок и заставил посмотреть ему в глаза. В его прищуре вспыхнули лукавые, издевательские искорки. — Знаешь, а ты мне нравишься всё больше...

— Если бы не нелепая случайность, на этой постели со мной сейчас лежал бы именно тот, кого ты постоянно поминаешь, — парировал я.

Старая добрая провокация бьет без промаха в любые времена. Я не то чтобы надеялся выведать у него тайны вселенского масштаба — скорее просто хотел уязвить его самолюбие. Хотя вытянуть из него парочку секретов под шумок было бы весьма кстати.

— Случайность?.. — взгляд Бу Фэнчэня разом потяжелел, а на губах заиграла надменная ухмылка.

Мои слова явно задели его за живое. Одним резким, кошачьим движением он перекатился и вновь навис надо мной всем телом. Какое-то время он просто молча буравил меня тяжелым взглядом. В комнате повисла звенящая тишина. Воздух сделался плотным, почти осязаемым.

Я ответил ему столь же равнодушным взглядом. Если бы не утерянная духовная сила, этот

наглец сейчас валялся бы у моих ног, а не устраивал здесь свои игрища...

— Ты ведь не из Священных Врат, — негромко, но поразительно уверенно произнес он.

У меня внутри всё похолодело. Я действительно не имел к ним никакого отношения, но как этот черт догадался?

— В Священных Вратах... нет столь наглых мужчин, а уж учеников, не знающих тамошних строжайших запретов, и подавно не сыщешь.

Бу Фэнчэнь усмехнулся. Я едва заметно нахмурился.

«О каких таких запретах идет речь? Почему мне никто о них не удосужился рассказать?»

Бу Фэнчэнь склонился ниже и обжёг мою мочку коротким поцелуем, после чего медленно, с тягучим давлением подался вперед. Каждое его движение было издевательски неторопливым, заставляя меня во всех красках ощущать глубину его вторжения. Моё безвольное тело лежало распластанным под ним, полностью отданное на растерзание этому мерзавцу.

Я сквозь зубы втянул воздух.

«Этот сумасшедший что, всерьез нацелился на второй круг?»

— Пусть я не знаю, что вас связывает и как ты умудрился затесаться в орден, запомни, Чоу Тяньгэ... Отныне и до конца своих дней ты... М-х-х!..

Договорить он не успел. Горло Бу Фэнчэня сдавил глухой стон боли. Схватившись за голову обеими руками, он накренился и рухнул грудью мне на плечо. Его длинные серебряные пряди рассыпались по моей коже, щекоча шею.

— Думаешь, сможешь вот так просто меня запереть?! Ха-ха-ха... Не забывай, дурак! Я — это ты, а ты — это я! А-ах!..

Вновь простилав, он судорожно вскинул голову. Его взгляд, бездонный и темный, словно океанская пучина, пригвозднул меня к постели.

— Я еще вернусь... — прошелестел он, и этот шёпот прозвучал в тишине зловещим проклятием.

«Это он мне сейчас пообещал?»

Я растерянно моргнул.

Обмякнув, Бу Фэнчэнь без чувств уткнулся мне в грудь. Однако порадоваться его внезапному обмороку я не успел — тело надо мной снова зашевелилось.

Тяжело вздохнув, он со стоном потер виски и медленно приподнялся на локтях. Наши взгляды снова встретились. Но стоило мне взглянуть в его лицо, как я понял: этот Бу Фэнчэнь — совсем другой. Передо мной был тот самый человек, которого я знал по Священным Вратам. Спокойный, отрешенный, источающий мягкое, почти божественное величие.

«Значит, их действительно двое?..»

Я онемел от шока. Он, судя по всему, тоже.

— Чоу Тяньгэ?.. — Обычное бесстрастное выражение слетело с его безупречного лица.

Его изумление было искренним. И то сказать: если Ложная добродетель только что уступил контроль, то этот, Ложный святой, понятия не имел, где он находится и почему голышом лежит в объятиях мужчины.

«"Святоша" Бу Фэнчэнь пришел в себя и обнаружил, что мы оба лежим абсолютно нагими в постели борделя. Для Ложного святого такой расклад — сущий кошмар».

«Мысленно я тут же окрестил эти две ипостаси, чтобы не путаться. Тот, что поболагороднее и строит из себя праведника — Ложный святой. А тот, похотливый гад с замашками демона — Ложная добродетель. Оба хороши, два сапога пара».

«Благородный муж ждет подходящего момента для мести хоть десять лет. Попляшешь ты у меня, Бу Фэнчэнь. Плевать, сколько там у тебя личностей уживается в одной башке — праведных или порочных. За сегодняшний позор ты мне ответишь сполна».

Я крепче стиснул зубы. Пока Ложный святой судорожно соображал, что происходит, в моей голове уже созрел гениальный план.

«Мать твою, выдавить из себя слезу на заказ — та еще задачка. Но ради того, чтобы в будущем вернуть этот должок в стократном, тысячекратном размере, придется потерпеть. Побуду немного слабой, беззащитной жертвой».

Приняв самый несчастный, затравленный и перепуганный вид, я закусил губу. Из глаз послушно покатались две крупные, чистые слезинки. Нужно было сыграть безупречно, чтобы этот праведник поверил без оглядки.

— Не... не надо... — прошептал я с надрывом, изображая глубокую душевную травму.

Господи, меня самого чуть наизнанку от этой фальши не вывернуло.

Мои старания не прошли даром: хваленая невозмутимость Ложного святого разлетелась вдребезги. Он долго переводил взгляд с меня на смятую простыню, прежде чем выдавить побелевшими губами:

— Какой грех...

«Бу Фэнчэнь, твою мать! Прежде чем сокрушаться о грехах, соизволь сначала из меня вылезти!»

<http://bllate.org/book/18233/1765198>